

10 ДЕК 40 6

Леонид Николаевич Колобов



В труппу госпожи Дюковой приглашен новый актер. Фамилия актера — Колобов. Об этом очень маленьким шифром сообщает газета «Южный край», где-то в конце последней колонки между хроникой ограблений, пожаров, краж и всячими полицейскими уведомлениями.

Гильдейские купцы-театралы ходили в театр больше по обязанности (хозяину торгового дома как-то не пристало не иметь собственной ложи). Что им приглашение нового актера?

— Вот ежели б, — рассуждали они, — певичку новую пригласила госпожа Дюкова, тогда другой разговор... А то какой-то Голубов, Колобов или как там его... Этим нас не удивишь!

Да, удивить первогильдейцев безвестной фамилией молодого актера было действительно трудно. Но те, что по-настоящему любили и знали театр, уже прослышили о Колобове. Это была еще не слава, даже не популярность, попросту, минуя рублевые журналы во всероссийских театральных кулаурах шла уже молва о новом таланте, «подающем большие надежды».

На спектаклях ютились эти любители театра большей частью на студенческой галерке. Аплодировали яростно. Но на официальный, так сказать, успех почти не влияли.

У дебютанта бледность проступает из-под румян, трясутся колени и собственное сердцебиение он готов принять за дробь барабана. А барабан и правду, между тем, загремел в оркестре. Встутили флейты и скрипки. Занавес раздвигается. Начинается головокружительный полет «глазок» запавеса и с опаской смотрел в зрительный зал. В зале люстра уже потушена, горят только бра. Галерка и верхние ярусы едва виднеются

двусмысленные шансонетки. Иногда любовники стреляются и умирают в красивых позах балерин.

Обо всем этом не стоило бы так подробно вспоминать, если бы это не было началом жизни, творческой юностью огромного большинства провинциальных актеров. Так начинал и Леонид Николаевич Колобов.

Молодой актер делал все, что мог, в обветшальных французистых водевилях, производства доморошенных драмоделов, но, что называется, «не прошел». Не понравился.

Да и как мог он играть вторых любовников в пошлых и пустых пьесах, если с самой ранней юности успел уже надышаться свежим воздухом великого русского реалистического искусства?

Мог ли он бездумно флантировать по сцене в узких, модных шанталонах, в завитом парике, если успел уже вдоволь побродить по невеселой, по родной и великой земле драматургии Островского?

И Колобов провалился. Провалился по всем правилам: окаменело молчал партер, свистел приказчики амфитеатра и товарищи по сцене смущенно отводили в сторону глаза. Рецептент «Южного края» по-своему понял молчание партера. Он так заискивал статейку: «Вообще с приглашением господина Колобова в труппу госпожу Дюкову поздравить нельзя».

Потом подросток Колобов участвует в театральном предприятии некоего Попонского. Это была какая-то коммерчески творческая артель. Участники спектакля сами продавали билеты. Кто продавал больше билетов, тот получал лучшую роль.

Наконец, в 1892 году Колобов попадает с коршевским ансамблем в Ненгу. Это была уже не игра в театр, а начало творческой биографии актера. В труппе Малиновской Колобов получает первый двадцатипятирублевый оклад. Начались блуждания по медвежьим углам России,

спектакли в продутых сквозняком сараах при свете керосиновых ламп. Жизнь, о которой мечтал Колобов, оказалась трудной, иногда унижительной, но другой жизни уже не было и быть не могло.

Однажды в Ярославле игру Колобова увидел московский артист-любитель Алексеев-Станиславский. Он заманил Колобова. И когда Константин Сергеевич стал собирать труппу для будущего МХАТа, он разыскал Леонида Колобова.

Леонид Николаевич пришел к великому режиссеру в каком-то нелепом костюме и плоскостных штанах. К. С. Станиславский усадил его в кресло и стал расспрашивать. Колобов торопливо рассказывал, что играл, где играл. Станиславский хмуро перебил гостя.

— Ничего вы не играли! Забудьте все! Я вас буду учить, — и вдруг совсем неожиданно опустил ладонь на колено Колобова и почти рассердился: — А таких брюк теперь не носят, молодой человек, не носят...

Колобов не пошел в труппу Станиславского. Купеческая затея, — ворчали кругом...

Обо всем этом вспоминал Леонид Николаевич, запершись в узкой каморке артистической уборной. Провал оставался все же фактом и от этого вспоминать о прошлом и думать о будущем было горько.

Однажды в уборную тихо постучали. Колобов открыл досчатую дверь. В комнату вошел рабочий сцены — Иван, по прозвищу Окайный. Он был так огромен, что загромождал собой всю комнату.

— Чем могу служить? — хмуро спросил актер.

— Да так, зашел проверять... Тяжело, небось, человеку, дай, думаю, зайду, — тихо ответил Иван. Они разговаривали сердечно и долго, как давние друзья.

— Дело у нас с вами такое, Леонид Николаевич, — сказал на прощанье Иван, — что уывать непозволительно. Искусство... Да и большая у вас впереди судьба... Вот вспомните мое слово.

Прав оказался, конечно, Иван, по прозвищу Окайный, а не рецензент «Южного края». Колобов стал самим собой, большим и хорошим актером, как только его вынутили из удушливых будуаров французских пьесок на широкие просторы пьес Грибоедова, Гоголя, Островского, Чехова, Горького.

Уже через несколько месяцев тот же «Южный край» изнемогал от восторга: «Но господин Колобов... Ах, этот Колобов! Как он умеет подойти к роли, загrimироваться, воспринять тело и душу».

Л. Н. Колобов стал одним из любимых актеров Харькова. И не только Харькова. Его имя хорошо знали в Ростове, Баку, Тбилиси.

В архиве актера сохранилось множество газетных рецензий, где ловкий, старомодный стилем, на все лады, воевался «господин Колобов». Эти желтые газетные листки — не опавшие листья когда-то шумного дерева славы. Дерево разрасталось.

Революция подняла творчество Колобова, как и все, что было чистого и подлинно народного в русском искусстве, на новую высоту. В годы гражданской войны актер не ушел со сцены. Театр был нужен красноармейцам, как хлеб и патроны. И как ни трудно было играть в нетопленых театрах прифронтовой полосы, где орудийные раскаты по ходу пьесы заглушали все звуки, — но об этих годах легко и сердечно вспоминает Леонид Николаевич.

Сорок пять лет прожил Леонид Николаевич на сцене. Великая Октябрьская революция делила эту жизнь почти на две равные части. Но разница тут только арифметическое. И хоть в первой части осталась юность и молодость, ошибки, заблуждения и первые победы, вторая часть — много ценней. В ней — уверенная зрелость, большое осмысленное мастерство и, самое главное, подлинная социалистическая свобода искусства нашей сталинской эпохи.

А. КОСТРОВ

Леонид Николаевич помнит мрачные дни деникинского произвола. Труппу заставили играть. Театр заполнялся пьяным офицерством. Однажды какой-то хмельной поручик, под свист и хохот публики, среди действия прошелся по сцене. Оказывается, он заключил пари, что совершил такой «геройский» поступок. Офицеры не нуждались в искусстве. Это видел Колобов и его товарищи по сцене.

Дни возвращения советской власти в Орел стали праздником для всех — попольщиков, рабочих, актеров. С этих дней начинается самая зрелая и уверенная пора в творчестве Леонида Николаевича.

Воспитанник русского реалистического искусства, он всегда оставался верен жизненности, простоте, высокому гражданскому пафосу лучших его представителей. В «Горе от ума», «Ревизоре» и других классических пьесах Колобов перепытал все мужские роли. Количественно — это не

так уж много, но для этого потребовалась целая жизнь. От Чайского до Сквозника-Дмухановского!... Надо обладать силой подлинно артистического перевоплощения, чтобы преодолевать в искусстве такие дистанции. Колобову всегда была свойственна эта сила. Он полон этой силы и сейчас, накануне своего 45-летнего юбилея.

Сорок пять лет прожил Леонид Николаевич на сцене. Великая Октябрьская революция делила эту жизнь почти на две равные части. Но разница тут только арифметическое. И хоть в первой части осталась юность и молодость, ошибки, заблуждения и первые победы, вторая часть — много ценней. В ней — уверенная зрелость, большое осмысленное мастерство и, самое главное, подлинная социалистическая свобода искусства нашей сталинской эпохи.